

DANIEL BANASIAK <https://orcid.org/0000-0001-8087-8187>

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej
90-226 Łódź
ul. Pomorska 171/173
banasiakdaniel@gmail.com

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ЭССЕИСТИКЕ ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

THE ISSUE OF FREEDOM IN OLGA SEDAKOVA'S ESSAYS: THE INTERTEXTUAL ASPECT

В статье рассматриваются рассуждения Ольги Седаковой на тему свободы, помещенные в ее эссеистических текстах. Используется интертекстуальный метод анализа текстов. Смысл и ценность свободы в жизни человека эссеистка толкует, опираясь на «чужое слово». В анализируемых текстах появляются интертекстуальные связи и отношения с другими текстами русской (А. Пушкин, А. Блок, О. Мандельштам, М. Петровых, Б. Пастернак, И. Бродский, Д. Пригов, С. Аверинцев) и европейской (Данте, У. Шекспир, И. Гете, П. Элюар, А. Швейцер) культуры. Особым источником, на основе которого философствует Седакова, является Священное Писание. Проблема свободы видится поэтессой прежде всего в поэтическом, моральном (как положение человечества) и эсхатологическом аспектах.

Ключевые слова: Ольга Седакова, эссеистика, проблема свободы, интертекстуальность, интертекст.

The article explores Olga Sedakova's reflection on the theme of freedom, expressed in her essayistic texts. The intertextual method of text analysis is used. The essayist interprets the meaning and value of freedom in human life relying on someone else's word. In the analyzed essays there appear intertextual references to other texts of the Russian culture (Pushkin, Blok, Mandelshtam, Maria Petrovykh, Pasternak, Brodsky, Dmitry Prigov, Sergei Averintsev) and of the European tradition (Dante, Shakespeare, Goethe, Eluard, Schweitzer). A particular source on the basis of which Sedakova philosophizes is the Holy Scripture. She perceives the issue of freedom primarily in the poetic, moral (as the human condition) and eschatological perspective.

Keywords: Olga Sedakova, essays, problem of freedom, intertextuality, intertext.

Ольга Александровна Седакова – представительница современной русской метафизической поэзии, переводчик Р. Рильке, Т. Элиота, П. Клоделя, П. Целана, Ф. Петрарки, Данте, богослов и филолог написала ряд эссе на философские, моральные и богословские темы (*Moralia*), а также эссе рассуждений – о поэзии, поэтике и поэтических судьбах (*Poetica*). Эссеистические тексты, собранные под латинскими заглавиями, указывают на вопрос о «человеческом положении» (*conditio humana*). Широко известно, что во второй половине XX века в России происходит настоящий «взрыв» эссеистики, тематически многообразной, касающейся повседневности, эстетики, этики, политики, философии. Эссе XX века предстает как пространство рефлексии над действительностью и авторефлексии, становления смысла, как размышление, становящееся литературой. Чертами современного эссе являются внутренняя динамика образа, не четко сформулированная концепция, сложная сеть ассоциаций, парадокс как способ игры с читателем. В формальном аспекте эссе Седаковой похоже как на литературные, так и на философские тексты, а особенной их чертой является постоянная цитация, литературные аллюзии и реминисценции.

Целью нашего анализа является истолкование понятия свобода в оптике Ольги Седаковой. Анализ ее идей намереваемся сделать с учетом тех мест (интертекстов) ее эссеистики, которые так или иначе отсылают к другим текстам литературы и культуры. Такой подход обусловлен спецификой анализируемых текстов.

Тема свободы в произведениях Ольги Седаковой занимает почетное место, проявляется в большинстве ее эссеистических текстов. В нашей статье проанализируем соответствующие проблеме эссе Седаковой, в частности: *Свобода как эсхатологическая реальность*, «Узел жизни, в котором мы узнаны». *Русская поэзия 30–40 годов как духовный опыт*, *Непродолженные начала русской поэзии*, *Пушкин Ахматовой и Цветаевой*, *Европейская идея в русской культуре. Ее история и современность*, *Музыка глухого времени (русская лирика 70-х годов)*, *Искусство как диалог с дальним*, *Поэзия за пределами стихотворства*, *Символ и сила. Гетевская мысль в «Докторе Живаго»*, *Кому мы больше верим: поэту или прозаику?*, «*В целомудренной бездне стиха*». *О смысле поэтическом и смысле доктринальном*, *Четырехстопный амфибрахий, или «Чудо» Пастернака в поэтической традиции*, *Звук, Не смертные таинственные чувства. О христианстве Пушкина*, *Контуры Хлебникова*, «*Звезда нищеты*». *Арсений Александрович Тарковский*, *Морализм искусства, или о зле посредственности*, *Поэзия, разум и мудрость: мысль Александра Пушкина*, *Наследство Некрасова в русской поэзии*, *Власть счастья, Наши учителя*.

Михаил Викторович Панов. *К истории российской свободы, Лучший университет, Бегство в пустыню, Кончина Бродского, Иосиф Бродский: воля к форме, Посредственность как социальная опасность, Обсуждение «Посредственности». Вступительное слово, Благословение творчеству и парнасский атеизм, Цельность и свобода, О Владыке Антонии Митрополите Сурожском, Морализм искусства, или о зле посредственности, Дитрих Бонхеффер для нас.*

Как хорошо известно, тема свободы в литературе стара как сама литература и безусловно является ее неотъемлемой, имманентной чертой: «свободное искусство до некоторого времени полагало само собой разумеющимся»¹ – отмечает автор. Седакова пытается истолковать свободу в глубоком, высшем, даже духовном значении. «Человек, выглянувший из пещеры Платона, уже не поверит, что эта пещера и есть все, что дано нам в ощущения» – подчеркивает поэтесса. Соприродная поэзии освобождающая сила, открывает другие пространства смысла и чувства, является «как удар молнии»².

Такой «удар молнии» Ольга Седакова пережила, читая стихотворение Поля Элюара под заглавием *Свобода* (1942). Именно с этого текста начинается ее путь понимания свободы. Зная стихотворение в переводе П. Антокольского, поэтесса переводит его заново. Оно важно в толковании свободы, так как указывает на такую ее черту, которая способна преобразовать действительность³:

На вернувшемся здоровье
 На исчезнувшей беде
 На безоглядной надежде
 Я имя твое пишу
 И силой этого слова
 Я вновь начинаю жить
 Рожденный чтоб знать тебя
 Чтобы тебя назвать
 Свобода⁴.

¹ О. Седакова, «Узел жизни, в котором мы узнаны». *Русская поэзия 30–40 годов как духовный опыт*, [в:] она же, *Собрание сочинений в четырех томах*, Москва: «Университет Дмитрия Пожарского» 2010, т. 3, с. 419.

² О. Седакова, *Непродолженные начала русской поэзии*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 432.

³ Ср. с идеей свободы как способа существования добра у Ю. Тишнера.

⁴ О. Седакова, *Свобода как эсхатологическая реальность*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 16.

Все «освобожденные» вещи, все на чем поэт поставил печать «свободы» становится открытым в будущее. Тема свободы в ее высоком регистре – а только такой поэтесса хочет заниматься – указывает на будущее. Седакова показывает, что Элюар в своей поэзии совершает движение противоположное апокалиптическому «действию Антихриста»⁵. Свобода в сопоставлении с несвободой ассоциируется в сознании Седаковой с открытостью, настоящим и будущим⁶:

Чтобы по-настоящему чувствовать настоящее – как еще небывалое и уже решающее – т. е. помнить, что и прошлое было рядом таких настоящих, и будущее будет ничем другим как настоящим, необходима свобода⁷.

Идею отношения свободы и будущего Седакова видит в истории поэзии, которую можно написать как историю будущего: «будущее Данте, будущее Рильке, будущее Велимира Хлебникова. Я имею в виду не ряд эстетических утопий, а меняющийся облик взыскуемой, безоговорочной Жизни, Смысла, Свободы»⁸.

Определение «свободный» ассоциируется в сознании автора эссе с душой «благородно открытой и доверительной», «освобожденной от собственной низости, жадности и страха»⁹, «одаренной и дарящей»¹¹. Седакова не боится наделять эту поэтическую, таинственную, нравственную свободу религиозным пафосом. Дар искусства, как и дар веры обладают «открывающей, освобождающей, расширяющей силой»¹².

⁵ Ср. с Апок. 13, 16–17.

⁶ Ср. с идеей художественного творчества у Выготского, который «предлагает идею открытой формы [...] разомкнутой внутрь и в будущее, создающей в человеке того нового по отношению к его данности человека, который и воспримет, примет ее смысл. Идея возможного, будущего или вечно рождающегося человека как субъекта творчества и его адресата – главная тема анализов Выготского. В сущности, он предлагает нам оправдание творчества как основной деятельности человеческой психики. В художественном творчестве, в работе со свободной жизнью формы, по Выготскому, психика не борется с собственным прошлым (травматическим прошлым, как у Фрейда, сублимируя или маскируя его) – она строит свое будущее, свое постоянное рождение». О. Седакова, *Пушкин Ахматовой и Цветаевой*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 117.

⁷ О. Седакова, *Европейская идея в русской культуре. Ее история и современность*, [электронный ресурс] <http://www.olgasedakova.com/Moralia/1547> [10.09.2018].

⁸ О. Седакова, *Музыка глухого времени (русская лирика 70-х годов)*, [электронный ресурс] <http://www.olgasedakova.com/Poetica/175> [10.09.2018].

⁹ О. Седакова, *Непродолженные начала...*, с. 432.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² О. Седакова, *Искусство как диалог с дальним*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 326.

Осмысление свободы неразрывно связано с поэзией и искусством¹³. Поэзия снимает бремя рабства¹⁴. «Рабское, расчетливое, трусливое, неискреннее некрасиво и не может быть обстоятельством к рождению красоты»¹⁵ – подчеркивает поэтесса. Обращается внимание на функцию поэта, обладающего силой слова, способного изменять, делать, преобразовать. «Веря поэту, – пишет автор эссе, – мы верим такой истине, которая, как и его слово, – вещь не смысловая, а силовая. [...] Она не значит, а делает: делает нас свободными и другими»¹⁶.

Седакова размышляет также о такой свободе искусства, которая требует, с одной стороны, новизны по отношению к традиции¹⁷, с другой – вдохновенного творения из «ничего»¹⁸. Соответственно, свобода связана с вдохновением¹⁹. Через свободу видны стройность, покой и гармония²⁰, которые показаны на примере пушкинского стиха «Унылая пора, очей очарованье» из стихотворения *Осень* (1833). Эти слова «как будто сами выбрали быть вместе»²¹ – подчеркивает автор, обращая внимание на звуковую сторону поэзии (музыку стиха). Акцентируется мнение, что «в звуковом сближении содержится пронизательная догадка, за которой точная наука, лингвистика, едва поспевают»²². Пушкинский звук вдохновения: «он звучит внутри,

¹³ О. Седакова, *Поэзия за пределами стихотворства*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 125.

¹⁴ О. Седакова, *Символ и сила. Гетевская мысль в «Докторе Живаго*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 589.

¹⁵ О. Седакова, *Свобода...*, с. 20.

¹⁶ О. Седакова, *Кому мы больше верим: поэту или прозаику?*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 165.

¹⁷ См.: Традиция искусства нового времени требует новизны каждого следующего шага: как сказал Т. С. Элиот, традиционным может стать только такое сочинение, которое выдерживает суд предшествующей традиции. Это... загоняет художника во все более и более узкий диапазон возможностей. Все больший и больший круг вещей, чувств, форм становится запрещенным в так называемом «свободном искусстве». Поэту наших дней в этом отношении много труднее, чем Гете или Лермонтову. О. Седакова, «В целомудренной бездне стиха». *О смысле поэтического и смысле доктринального*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 129.

¹⁸ См.: Другой не менее строгий закон свободного искусства – требование исходной непредвзятости художника, его безоружности перед своим предметом, который раскроется ему только в ходе глубоко личного, интимного опыта. Все «готовые», «чужие» смыслы, установки, предпосылки могут только помешать этому событию совершенно нового познания, новой встречи – как, словами Цветаевой, «вечный третий в любви». О. Седакова, «В целомудренной бездне стиха». *О смысле...*, с. 129. См. также об этом: «Творение из смыслового «ничто», из личностного «ничто» – категорический императив свободного искусства – делает как будто немислимой возможность творчества религиозно и догматически определенно». Там же, с. 130.

¹⁹ О. Седакова, *Четырехстопный амфибрахий, или «Чудо» Пастернака в поэтической традиции...*, с. 207.

²⁰ О. Седакова, *Звук*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 203.

²¹ О. Седакова, *Свобода...*, с. 20.

²² О. Седакова, *Звук*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 203.

[...] он ищет излиться наружу»²³ – замечает Седакова и дает примеры из вышеуказанного стихотворения:

Душа стесняется лирическим волнением,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем...²⁴

Седакова именем знаменитого Пушкина открывает сокровищницу поэтической традиции, обращая внимание на присутствующую в ней «святую свободу». Указывает на пушкинские стихи: «Свободы сеятель пустынный / Я вышел рано, до звезды...»²⁵, где предназначение поэта сравнено с действиями «сеятеля» Божьего, а также отсылает к строфе из стихотворения *Птичка* (1823):

Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!²⁶

В данном случае акцентируется утешение лирического героя, принимающего функцию поэта, который дарует свободу. По мнению поэтессы, чтобы даровать свободу другим, нужно обладать каким-то ее избытком. В случае Пушкина этот избыток «обеспечен здоровьем, гибкостью, быстротой ума и чувства»²⁷. Идея свободы как дара, идея свободы принести жертву, по мнению Седаковой, принадлежит не только поэту, но и каждому человеку²⁸.

Автор эссе указывает на один из любимых эпитетов в Пушкинском творчестве, на эпитет «тайный»:

²³ Там же.

²⁴ А. С. Пушкин, *Осень*, [в:] он же, *Собрание сочинений в десяти томах*, Москва: «Государственное издательство художественной литературы» 1959, т. 2, с. 382.

²⁵ А. С. Пушкин, *Свободы сеятель пустынный...*, [в:] он же, *Собрание сочинений...*, т. 2, с. 16.

²⁶ А. С. Пушкин, *Птичка*, [в:] он же, *Собрание сочинений...*, т. 2, с. 7.

²⁷ О. Седакова, *Не смертные таинственные чувства. О христианстве Пушкина*, [электронный ресурс] <http://www.olgasedakova.com/Poetica/170> [10.09.2018].

²⁸ Задача поэта – и читателя истории – разрушить все «деления и метки», масштабы значимости, все иерархически организованные единства, «дать свободу» составляющим их частицам, [...] одним словом, уничтожить *вертикаль* смысловой организации, начиная с «верхнего положения» «богов» («неба», «звезд») над людьми и человека – над одушевленной и неодушевленной природой. О. Седакова, *Контуры Хлебникова*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 306. О. Седакова, «Звезда ницетъ». *Арсений Александрович Тарковский*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 466. См. также: О. Седакова, *Морализм искусства, или о зле посредственности*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 264.

1. «тайные цветы» («Люблю ваш сумрак неизвестный/И ваши тайные цветы...»)²⁹;
2. «тайные стихи» («И тайные стихи обдумывать люблю...»)³⁰;
3. муза – «дева тайная» («Прилежно я внимал урокам девы тайной...»)³¹;
4. «тайная свобода поэта» («Любовь и тайная свобода / Внушили сердцу гимн простой...»)³².

Седакова подчеркивает церковнославянское значение слова «тайный» т. е. «таинственный»³³ и акцентирует огромное почтение свободы Пушкиным: «В глубине пушкинских таинственных чувств [...] мы можем различить почтение к свободе»³⁴. Пушкинская «тайная свобода» повлияла на характер русской поэзии, а имя Пушкина стало символом этой поэтической традиции³⁵. Потомки вносили в этот закон свободы некоторые уточнения. В пушкинском духе, по мнению Седаковой, писали Александр Блок, принявший такую же как Пушкин функцию поэта³⁶ и Мария Петровых, обратившаяся к «тишине свободы»³⁷.

Примером свободы и продолжателем пушкинской традиции является в эссеистике Седаковой личность Осипа Мандельштама. Поэтесса считает, что ему принадлежит осмысление пушкинской таинственной свободы как особого религиозного дара России. Несвободные интенции автократа или тоталитарного настроения не способны простираться на вдохновение поэта (оно «не смертное чувство»)³⁸. Конечно, лишиться такой таинственной свободы в условиях деспотизма может только сам автор, замкнувшийся

²⁹ А. С. Пушкин, *Свободы сеятель пустынный...*, [в:] он же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 189.

³⁰ А. С. Пушкин, *Близ мест, где царствует Венеция златая...*, [в:] он же, *Собрание сочинений...*, т. 2, с. 180.

³¹ А. С. Пушкин, *Муза*, [в:] он же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 135.

³² А. С. Пушкин, *К Н. Я. Плюсковой*, [в:] он же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 60.

³³ О. Седакова, *Поэзия, разум и мудрость: мысль Александра Пушкина*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 230.

³⁴ О. Седакова, *Музыка: стихи и проза*, Москва: «Русский мир» 2006, с. 430.

³⁵ Поэт некрасовской гражданской инспирации всегда выбирает сторону страдающих, а не счастливых, гонимых, а не гонителей. И поскольку ситуация ущемленной свободы бесконечно воспроизводится на родине Некрасова, поэту приходится выбирать. Третьего пути – не жертвенной гибели и не пошлого наслаждения – пути «тайной свободы» творчества и высокого мира с действительностью, гетевского или пушкинского, некрасовская школа не знает. О. Седакова, *Наследство Некрасова в русской поэзии*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 263.

³⁶ О, я хочу безумно жить, в котором Блок пишет о поэте: «Он весь – дитя добра и света, Он весь – свободы торжество!» А. Блок, *О, я хочу безумно жить*, [в:] он же, *Полное собрание сочинений в двадцати томах*, Москва: «Наука» 1999, т. 3, с. 57. См. также: А. Блок, *Пушкинскому дому*, [в:] он же, *Полное собрание сочинений...*, т. 5, с. 96.

³⁷ «Не шум газетной оды, / Журнальной ботовни, / Лишь тишина свободы / Прославит наши дни. М. Петровых», *Завещание*, [в:] она же, *Лирика*, Москва: «Эксмо» 2017, с. 82.

³⁸ О. Седакова, *Власть счастья*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 278.

на дар вдохновения³⁹. Поэтесса ссылается на слова Мандельштама о том, что «великое произведение искусства несет в себе чувство внутренней правоты [...] и блаженной свободы»⁴⁰. Седакова цитирует из стихотворения *О свободе небывалой...* (1915) два стиха Мандельштама: «Я свободе, как закону,/Обручен, и потому...»⁴¹. Этот недосказанный в эссе стих является риторическим вопросом о последствиях верности «закону свободы». Строфа в стихотворении закончена: «Эту легкую корону/Никогда я не сниму»⁴². Знаем последствия таких решений именно на примере жизни Мандельштама. За «тайную свободу», за верность «закону свободы» приходило платить поэтам жизнью или мученической судьбой. Мало того, верность свободному искусству стала в те времена почти «религиозным подвигом»⁴³ – замечает Седакова. Свободное искусство было до такой степени необходимо человеку, потому что оно открывало «не чисто эстетическую, но прежде всего спасительную силу»⁴⁴. Седакова подчеркивает: «Человек, переживающий вдохновение, свое или чужое [...] тайно свободен от власти тирана не потому, что сам он всевластен и автономен, а потому что он послушен другой власти»⁴⁵. Творчество в обстоятельствах тоталитарной системы является анклавом свободы. Однако поэтесса уточняет, что жизнь поэтической свободой в пределах гражданской несвободы не может быть стремлением уйти в мир иллюзий или заменителем политической свободы⁴⁶.

Одним из последних певцов такой «тайной свободы» был Иосиф Бродский, который напомнил современникам то, что Седакова называет: «пушкинским императивом личной свободы»⁴⁷:

Усталый раб – из той породы,
что зрим все чаще –
под занавес глотнул свободы.
Она послаще
Любви, привязанности, веры...⁴⁸

³⁹ Там же.

⁴⁰ О. Седакова, *Наши учителя. Михаил Викторович Панов. К истории российской свободы*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 709.

⁴¹ О. Мандельштам, *О свободе небывалой...* [в:] он же, *Собрание сочинений в четырех томах*, Москва: «Арт-Бизнес-Центр» 1993, т. 1, с. 113.

⁴² Там же, с. 114.

⁴³ О. Седакова, *Власть...*, с. 291.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, с. 283.

⁴⁶ О. Седакова, *Лучший университет*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 291.

⁴⁷ О. Седакова, *Бегство в пустыню*, [электронный ресурс] <http://www.olgasedakova.com/Poetica/241> [10.09.2018].

⁴⁸ И. Бродский, *Пьяцца Маттеи*, [в:] он же, *Сочинения И. Бродского*, Санкт Петербург: «Пушкинский фонд» 1994, т. 3, с. 27.

Вышеуказанный пример из стихотворения Пьяцца Маттеи (1981) указывает на поощряющую к творчеству силу свободы. Особенной чертой страсти к свободе у Бродского была ее «антиреволюционерская и антинасилъственная»⁴⁹ черта: «В стране, пресыщенной насилием и презрением к человеку, другая, негуманистическая оппозиция не была бы радикальной»⁵⁰ – пишет эссеистка. Обращает внимание на тему смерти в творчестве Бродского, в советской идеологии, по мнению автора, совершенно запрещенную. У раннего Бродского смерть в стихотворениях появляется часто и это также можно понимать как проявление поэтической свободы.

Как помнят все (если хотят помнить), тема смерти была совершенно запрещенной в советской идеологии. Нет, люди не должны были считать себя бессмертными, но [...] каким-то образом их вообще освободили от этой заботы. И вдруг: смерть! смерть! смерть! – из стихотворения в стихотворение юного Бродского. И это понималось как: свобода! свобода! свобода!⁵¹

Эссе Седаковой построено на основе противопоставлений, как антирез высокого и – не столько низкого – что повседневного, «посредственного»⁵². Поэтесса считает, что в современных контекстах свобода рассматривается как «пустое и по преимуществу отрицательное понятие»⁵³. Пустота этого понятия обозначает возможность наполнения его злом или благом. По Седаковой, несчастье «пустоты» основополагающих ценностей взялось, «из того, что их событийность, чудо их реальности перестали ощущаться»⁵⁴. Она сожалеет, что современная философия помешала перспективу, а только начиная с конца – в самом деле, с вечности – к которой так или иначе принадлежим – жизнь является даром, благом и чудом, приводит к благодарности. В антропологическом представлении Седаковой существенную, спасательную роль для человека выполняет именно эсхатология.

⁴⁹ О. Седакова, *Кончина Бродского*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 481.

⁵⁰ Там же, с. 482.

⁵¹ Там же. См. также в этом контексте: О. Седакова, *Иосиф Бродский: воля к форме*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 3, с. 490–503.

⁵² Седакова ссылается на высказывание Иоанна Павла II о том, что в расколе христианских церквей виновата посредственность внутри каждого из расколотых движений: «Посредственность, которую принимают как смешанную до неразличимости массу, не наделена чувством солидарности. Она поневоле порождает расколы». О. Седакова, *Посредственность как социальная опасность*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 415. Ср. с идеей посредственности Жоржа Бернаноса в эссе: О. Седакова, *Обсуждение «Посредственности»*. *Вступительное слово*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 421–424.

⁵³ О. Седакова, *Свобода...*, с. 20.

⁵⁴ Там же, с. 22.

Если бы оно, небытие, было взято в мысль изначально, тогда наличное сознавалось бы как чудо, как дар – и вызывало бы благодарность, которая и стала бы «главной заботой человека», «бытием-из-смерти». Мы каким-то образом забыли, что мы принадлежим небытию не после жизни, а еще до нее⁵⁵.

Подтверждают это, считает эссеистка, слова доктора Живаго: «[...] а вы уже воскресли, когда родились, и этого не заметили»⁵⁶. Кроме того, она разделяет взгляд на творение как Воскресение, любимую и многократно выраженную мысль Бориса Пастернака.

Седакова смотрит на открытость свободы и замкнутость несвободных утопий. Несвобода утопического мышления, по мнению ее, закрывается в научном детерминизме или псевдомистической магии. Если причиной мира является любовь (понимаемая как энергия – не вещь), то Данте не мог создать утопий «прекрасного нового мира».

Почему же дантовский мир не завершался «прекрасным новым миром», не утыкался в утопию? Потому что Принцип, Причина этого мира – Любовь – есть энергия, а не вещь. [...] «Новая цельность» ищет скорее вещных, законченных смыслов, и от научного детерминизма бежит к магическому⁵⁷.

Упоминает слова Данте: «ad aeternae gloriae libertatem»⁵⁸ т. е. «праведная душа переходит к свободе вечной славы»⁵⁹. Высшая степень свободы – замечает Седакова – это вечная слава, власть и сила. В греческом евангельском тексте слово власть (eksusia) – синонимично «свободе». Общий смысл «власти» и «свободы» – «сила»⁶⁰. Для подтверждения тезиса, что свобода первичнее, чем преодолеваемые ей препятствия, поэтесса цитирует Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, / Кто каждый день идет за них на бой»⁶¹. Божественная воля свободы является требовательной, но только она, по мнению автора, способна дать настоящую свободу «полноты жизни здесь и сейчас»⁶².

Радость дарованной и удержанной свободы подобна, по мнению автора эссе, той радости, которую завещает Христос, радости, которой «никто

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ О. Седакова, *Благословение творчеству и парнасский атеизм*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 345.

⁵⁷ О. Седакова, *Цельность и свобода*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 476.

⁵⁸ А. Данте, *Божественная комедия*, цит. по О. Седакова, *Свобода...*, с. 21.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ О. Седакова, *О Владыке Антонии Митрополите Сурожском*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 836.

⁶¹ И. В. Гете, *Фауст*, цит. по: Седакова, *Свобода...*, с. 22.

⁶² О. Седакова, *Свобода...*, с. 26. См. также: О. Седакова, *Все и сразу*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 416.

не отнимет»⁶³. Эту радостную перспективу выражают цитаты из текстов Альберта Швейцера: «Я жизнь, которая хочет жить в живом окружении жизни, которая хочет жить»⁶⁴. Здесь Седакова отсылает к этическому принципу Швейцера, философа, музыканта и гуманиста, который исходит из воли к жизни как элементарного, первичного и постоянного факта сознания, а также выражает идею «благоговения перед жизнью как по отношению к собственной воле к жизни, так и по отношению к любой другой»⁶⁵. Радость свободной жизни поэтесса видит также в стихах Бориса Пастернака: «...быть живым, живым и только, / Живым и только до конца»⁶⁶. Так заканчивается стихотворение, начинающееся со стихов: «Быть знаменитым некрасиво. / Не это подымает ввысь»⁶⁷. Ввысь уносит человека поощряющая к жизни сама жизнь. Желание жизни является божественным желанием человека, которое Седакова выводит из христианской антропологии, в соответствии с которой человек создан по образу и подобию Божию⁶⁸.

В этом контексте божественного желания человека – жить и быть свободным приводится стих Осипа Мандельштама: «Нам союзно лишь то, что избыточно...»⁶⁹. Безмерное желание избыточно, и поэтому человек не способен осуществить это желание. Соответственно возникает проблема необходимости, противостоящей свободе. Необходимость определяется поэтессой как древняя языческая Ананке, правящая олимпийскими и подземными богами⁷⁰.

Необходимость говорит: да, вообще это хорошо, но не сейчас. Сейчас необходимо другое. А совсем хорошее не необходимо, оно избыточно [...]. Человек просто не может жить без взявшей его в оборот необходимости. Если она слабеет, он ее сам выскивает и придумывает⁷¹.

⁶³ О. Седакова, *Свобода...*, с. 23.

⁶⁴ А. Швейцер, *Благоговение перед жизнью*, цит. по: Седакова, *Свобода...*, с. 24. См. также эссе: О. Седакова, *Морализм искусства, или о эле посредственности*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 264. Ср. со стихотворением *Я жизнь в порыве жить...*, к которому поэтесса поставила такой же эпитафия из А. Швейцера. О. Седакова, *Я жизнь в порыве жить*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 1, с. 20.

⁶⁵ А. Швейцер, *Культура и этика*, пер. с немецкого Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанский, Москва: «Прогресс» 1973, с. 307.

⁶⁶ Б. Пастернак, *Быть знаменитым некрасиво...*, [в:] он же, *Полное собрание сочинений в пяти томах*, Москва: «Художественная литература» 1991, т. 2, с. 54.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ О. Седакова, *Свобода...*, с. 24.

⁶⁹ О. Мандельштам, *Стихи о неизвестном солдате...*, [в:] он же, *Сочинения в двух томах*, Москва: «Художественная литература» 1990, т. 1, с. 245.

⁷⁰ О. Седакова, *Свобода...*, с. 25.

⁷¹ Там же, с. 25.

Особым источником размышлений о свободе является Священное Писание, в котором, как замечает Седакова, слово «свобода» не слишком часто встречается: «Гимна свободе, как псалмические гимны Милости и Закону, как гимн Премудрости у Сираха, как гимн Любви в Послании ап. Павла не найдем в Библии»⁷². Ввиду этого, особенно отмечается, что тема свободы в Библии заключена в истории, которую она повествует. Священное Писание Седакова называет «рассказом об освобождении»⁷³, подчеркивая, что в пророческих книгах «Мессия ожидается как Тот, кто выведет узников из темницы, освободит пленников»⁷⁴. В православной традиции эта правда понимается как сошествие Христа и выведение душ из тюрьмы ада. Появляются в эссе интертексты из 67 псалма: «Плени плен»⁷⁵, воскресных песнопений: «пленил еси ад»⁷⁶, и молитвы св. Симеона Метафраста: «погребением Твоим адова пленивый царствия»⁷⁷. Обращается внимание на то, что в этом освобождении имеется более широкий смысл: «Это живые освобождены, выкуплены дорогой ценой из рабства у врага. [...] Дар не только свободы, но власти освобождать человека, передается Апостолам и составляет дело Церкви»⁷⁸.

Седакова вспоминает поэта Дитриха Бонхеффера, который в тюрьме размышлял о том, как быть полноценным человеком⁷⁹. Возрождение благородства и свободы человека, это новые задачи церкви, которые Бонхеффер видит в наступающей эпохе: «Душу спасают, спасая ее свободу и благородство»⁸⁰.

Автор пользуется рядом интертекстов из Священного Писания. В евангельском эпизоде с драгоценным миром⁸¹ поэтесса указывает на свободу любви. Свобода в евангельском освещении ассоциируется в сознании поэтессы со святым Духом, Утешителем, «о Котором неизвестно, откуда приходит и куда уходит» (Ин: 16–17).

⁷² Там же, с. 27.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, с. 28.

⁷⁵ «Ты восшел на высоту, пленил плен, принял дары для людей, так чтоб и из противящихся могли обитать у Господа Бога» (Пс. 67.19).

⁷⁶ Ангельския Силы на гробе Твоем, / и стрегущи омертвеша; / и стояше Мария во гробе, / ищущи / Пречистаго Тела Твоего. / Пленил еси ад, не искусився от него; / сретил еси Деву, даруяй живот. / Воскресый из мертвых, Господи, слава Тебе. Т. Ситникова, *Молитвы на все случаи жизни*, Москва: «Книжкин дом» 2011, с. 65.

⁷⁷ [...] Ты, погребением Твоим опустошивший царство ада, погребни благими размышлениями мои дурные намерения и рассей духов зла. [...] Т. Ситникова, *Молитвы...*, с. 68.

⁷⁸ О. Седакова, *Свобода...*, с. 28.

⁷⁹ О. Седакова, *Дитрих Бонхеффер для нас*, [в:] она же, *Собрание сочинений...*, т. 4, с. 493–518.

⁸⁰ Там же, с. 500.

⁸¹ См.: Мф. 26, 6–13, Мк. 14, 3–9, Лк. 7, 36–50, Ин. 12, 1–8.

В соответствии с этим поэтесса, опираясь на евангельские эпизоды, пытается выявить сущность освобождения. Во-первых, выделяет освобождение как исцеление заболевшего: «дать человеку свободно распрямиться как той скорченной женщине, дать ходить как исцеленному хромоту»⁸². Во-вторых, пишет об освобождении как сотворении нового здоровья: евангельский «случай со слепорожденным». «Человек должен быть освобожден от собственного прошлого, от мира, в котором рожден»⁸³. В связи с этим «освобождение предполагает сотворение всего нового»⁸⁴ – констатирует Седакова.

Итак, можно сказать, что Ольга Седакова видит свободу в следующих аспектах. Во-первых, свобода в свете творческой деятельности, свобода художественных текстов, как имманентная черта поэзии. В этом контексте свобода это:

- поэзия, преображающая действительность, снимающая бремя рабства;
- сила и власть поэзии, ее стройность, покой и гармония;
- функция поэта, обладающего силой слова, способного изменять, делать, преображать;
- свобода вдохновения и вдохновенного творения из «ничего»;
- поэтическая традиция «тайной» свободы в стихотворениях Пушкина, а также в текстах продолжителей этой традиции, на русской (Александр Блок, Мария Петровых, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Иосиф Бродский) и европейской литературной почве (Алигьери Данте, Иоганн Гете, Поль Элюар, Альберт Швейцер, Дитрих Бонхеффера).

Во-вторых, свобода в аспекте положения человечества (*conditio humana*) это:

- черта того, кто не узурпирует свободы другого, а также, того, кто отказывается от соучастия в откровенном зле;
- сила, открывающая на настоящее и будущее;
- свобода как дар;
- освобождение от посредственности и обязанности.

В-третьих, свобода в аспекте эсхатологической реальности это:

- повествование об освобождении, представленное в Священном Писании;
- любовь, радость и благодарность за дар освобождения;
- освобождение, понимаемое как исцеление здоровья тела и души;
- освобождение от собственного прошлого, от мира в котором рожден данный человек;
- освобождение как сотворение нового мира.

⁸² О. Седакова, *Свобода...*, с. 28.

⁸³ Там же, с. 29.

⁸⁴ Там же.

Таким образом, соответственно заглавию одного из главных эссе Седаковой *Свобода как эсхатологическая реальность*, это понятие свободы немислимо без перспективы вечности.

References

- Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya. Vetkhogo i Novogo Zaveta kanonicheskie, v russkom perevode s paralelnymi mestami, perepechatano s Sinodialnogo izdaniya.* Moskva: Rossiyskoye Bibleyskoye Obshchestvo, 1988.
- Blok, Aleksandr. *Polnoe sobraniye sochinenii...* Vol. 3, Moskva: Nauka, 1999: 57.
- Blok, Aleksandr. *Polnoe sobraniye sochinenii v dvadtsati tomakh.* Vol. 5. Moskva: Nauka, 1999: 96.
- Brodskii, Yosif. *Sochineniya.* Vol. 3. Sankt Peterburg: Pushkinskii fond, 1994: 27.
- Mandelstam, Osip. *Sobraniye sochinenii v chetyrekh tomakh.* Vol. 1. Moskva: Art-Biznes-Tsentr, 1993: 113, 114.
- Mandelstam, Osip. *Sobraniye sochinenii v dvukh tomakh.* Vol. 1. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1990: 245.
- Petrovykh, Maryia. *Liryka,* Moskva: Eskimo, 2017: 82.
- Pushkin, Aleksandr. *Sobraniye sochinenii v desyati tomakh.* Vol. 1. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoi literatury, 1959–1962: 60, 135, 189.
- Pushkin, Aleksandr. *Sobraniye sochinenii v desyati tomakh.* Vol. 2: 7, 16, 180.
- Sedakova, Olga. *Begstvo v Pustynyu.* <http://www.olgasedakova.com/Poetica/241>
- Sedakova, Olga. *Muzyka glukhogo vremeni (russkaya lirika 70-kh godov).* <http://www.olgasedakova.com/Poetica/175>
- Sedakova, Olga. *Ne smertnyye tainstvennyye chuvstva. Okhristianstve Pushkina.* <http://www.olgasedakova.com/Poetica/170>
- Sedakova, Olga. *Sobraniye sochinenii v chetyrekh tomakh.* Moskva: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2010.
- Sedakova, Olga. *Yevropeyskaya ideya v russkoi kulture. Yeye istoriya i sovremennost.* <http://www.olgasedakova.com/Moralia/1547>
- Shveytser Albert. *Kultura i etika,* transl. N. A. Zakharchenko, H. V. Kolshanskiy. Moskva. Progress, 1973: 307.
- Sitnikova, Tatiana. *Molitvy na vse sluchai zhizni.* Moskva: Izdatelstvo Knizhkin dom, 2011: 65, 68.